Воздух раннего утра дурманил, острой прохладой вонзался в лёгкие, заставлял двигаться ещё быстрее, ещё точнее.

Баки танцевал по поляне, которую нашёл давно — там, за орешником, куда сбегал, не в силах выносить присутствие Стива рядом. Поляна оказалась достаточно большой, почти идеально круглой, и вся поросла изумрудно-мягкой травой, совсем не такой, какая начиналась в подлеске. Трава словно ластилась к ступням даже сейчас, пожухшая и вытоптанная его постоянными танцами с мечом или ножом.

Всё острее чувствовался пряный запах поздней осени, всё холоднее было по утрам, и первой изморозью покрывалась трава вокруг их берлоги. Баки сбегал из-под нагретого их дыханием свода на заре, когда розовел самый край неба над лесом — и для него этот миг был как резкий хлопок в ладоши над ухом.

Чаще всего Стив ещё спал, закинутый ворохом тёплых шкур. Баки делал это уже ночью, когда друид засыпал, совсем не накрываясь, в одной длинной льняной рубашке. Через некоторое время, когда темнота неба становилась глубокой, иссиня-чёрной, он начинал дрожать и клацать зубами — и Баки едва удерживался, с каждым разом всё сложнее, чтобы не лечь к нему под бок, не обхватить рукой, ногами, не начать отдавать тепло своего тела. Баки накидывал на него три шкуры, превращая в ком меха. Сам же привычно спал под одной, и ему на самом деле хватало. Он думал о том, как друид отогревает эту берлогу зимой. Неужели одного разведённого посреди небольшого помещения костра хватает? Не зря в своде есть отверстие для дыма. Баки ждал с нетерпением и боялся холодов: отчасти потому, что знал — им придётся делить одно ложе на двоих просто потому что так на порядок теплее, и потому, что никогда прежде не зимовал в таких условиях. В его комнате на его половине фамильного замка всё отапливалось благодаря огромным каминам.

Баки выбирался из землянки, каждый раз улыбаясь, глядя на эту дышащую кучу, под которой даже не угадывались очертания фигуры. Баки знал, что друид не расстаётся со своим ножом даже во сне. Он не пытался научиться доверять ему. Баки не думал об этом. Он просто уходил и танцевал до изнеможения, скинув с себя всё, кроме килта, тяжёлого пояса и ножен — чтобы привыкнуть к весу снаряжения.

Дисбаланс и неуклюжесть ушли не сразу. Даже то, что он усох и стал чуть быстрее, не помогло ему в борьбе со своим покалеченным, разбалансированным телом. Он был испорчен. Но он знал то, что если кто и может его переплавить, так это он сам. Тем, что будет осваивать своё тело и свои возможности заново. Так, чтобы отлить себя по-новому, не менее крепким и смертоносным оружием.

Сначала он пытался втолкнуть свои прежние навыки в новые условия, как если бы пытался надеть на себя чужие воинские ремни. Где не надо бы — давило, где надо — провисало бы, и ничем хорошим это бы не закончилось. Старому было не место в настоящем. Баки пришлось придумывать новые приемы боя именно для нынешнего себя. Он упирал на гибкость и скорость там, где раньше работала несокрушимая сила и возможность принимать удар на щит. Он развивал свою скрытность и внезапность, хотя раньше чаще всего шёл напролом, не таясь — чтобы не терять время. Дело двигалось, хоть и медленно. Баки знал: время ещё есть. Он чувствовал каждый из дней, которые Стив словно пропускал через себя, и невидимыми, но

совершенно явными сменами настроения отсчитывал их, упорядочивал. Баки заметил, когда он начал надевать неровно вязаную из овечьей шерсти накидку, заметил лёд по краям воды в рукотворном озерце — и понял, что должен поторопиться. Ему нужно было ещё подготовить своё оружие. Ему нужно было серебро, и он был уверен, что у друида оно есть, нужно только поискать как следует.

Баки вышел из красивого и молниеносного переката по траве, перетекая в стойку на ногах, и вдруг сделал резкий выпад назад, разрубая своим клинком кого-то невидимого за своей спиной. Неподалёку ухнула не успевшая ещё заснуть сова, из кустов орешника выпорхнули птицы. Баки оглянулся. Качались ветки, но не верхние, где могли бы сидеть пичуги. Кто-то не особенно тихо пробирался сквозь поредевшие к осени кусты, тревожа покой птиц. Баки хмыкнул. И, не пытаясь догнать, принялся собирать брошенную на краю поляны на старом замшелом стволе одежду: рубаху и свой тщательно зашитый друидом шерстяной плащ. Баки не просил об этом, тот сделал всё без его ведома.

Он вышел к берлоге и, остановившись у озерца, обмылся ледяной с колючими крупинками изморози водой. Торс, живот, подмышки, лицо и шею. Он мылся, не чувствуя холода, пребывая в глубокой задумчивости. Порой он успевал поймать зайца или птицу после своих танцев, потому что друид, хоть и мог, не охотился. Чаще всего тот питался непонятной травой и кореньями. Баки не мог так — не мог он и попросить друида повторить тот трюк, когда животное само вышло к нему, и не пришлось даже выслеживать, охотиться, загонять. Он бы не попросил друида убивать — только приманить. Ему не впервые лишать кого-то жизни. Но он не просил его, ухитрялся сам. Делал силки, устраивал небольшие ловушки — благо, лес был живым и полным зверья. Баки надеялся, что зимой он тоже не подведёт их. И чем же будет питаться друид, когда снег белой шкурой укроет так любимую им траву? Было любопытно, но они так и не сблизились. Баки иногда начинал говорить с ним вслух, словно Стив и правда мог ответить. Но тот всегда молчал. И однажды Баки просто перестал пытаться разговорить его, произнося слова больше сам для себя, чтобы совсем не отвыкнуть от звучания собственного голоса.

Он обмывался, чувствуя чужой взгляд в спину, и напоказ играл мышцами. Медленно поворачивался, чтобы быть увиденным со всех сторон. Было даже неловко так выставляться. Баки не требовалось этого раньше: в далёком-далёком прошлом, где он ещё и не слышал ничего о Дал-Риаде, красавицы липли к нему сами, как мошки на смолу, и ни одна не дёргала носом. Но не Стив. Тот всегда реагировал, когда Баки был грязный, когда от него по-мужски несло. И если он смотрел изредка, то украдкой, так, что Баки не знал даже точно, где он укрылся, почему его не видно. Просто чувствовал этот взгляд, как приставленный к обнажённой коже острый кончик ножа.

Баки почти научился жить с друидом рядом в покое, не давая себе возможности чувствовать и мечтать, изнуряя тело постоянными танцами с оружием, тренировками новых приемов боя. Но такие моменты подглядывания, пускай нечастые, снова зажигали внутри него что-то голодное и жаркое, напоминали, что он мужчина, смысл жизни которого брать, присваивать и после — защищать своё до последней капли крови. Баки не знал, зачем Стив смотрит на него. Возможно, боится, возможно, наоборот: ищет и ждёт чего-то своего. Было трудно разобраться в его странных, больше животных, чем человеческих повадках. Вспугнутый, как лесная дичь, Стив исчезал и прятался так хорошо, что иногда Баки не мог его выследить — тут была вотчина друида, и Баки казалось, тот уговаривал саму природу не выдавать его. И он научился

не обращать внимание на острое ощущение взгляда, красоваться, потому что это было единственным, что он мог позволить себе — и никогда не идти на контакт.

Сейчас случай был совсем другой. Друид следил за ним слишком долго, ещё с поляны. Смотрел и не думал переставать. Это было интересно.

Баки обтёрся своей рубахой и развесил её на рогатине, не подавая виду. Сам же принялся укладывать сваленные чурбачки в уличный очаг — ограниченное большими камнями старое кострище. Он собирался развести огонь и вскипятить воду, кинуть в неё сушёных листьев и душистых трав, и выпить отвар. Сегодня был важный день. Он знал, что едва трава настоится, друид выйдет сам. Они редко делили трапезу. Но вот настой — всегда.

http://erolate.com/book/3459/83615